

СССР. Результаты этой работы получили отражение в ряде монографий и сборников⁴, во многих статьях⁵. Широкая разработка названных проблем предусмотрена и в исследовании, проводимом сектором в настоящее время в основных регионах страны⁶.

Заканчивая обзор книги, хотелось бы еще раз подчеркнуть какое значение придается во многих статьях научному исследованию затронутых проблем и выработке на их основе аргументированных рекомендаций. Многие авторы (П. К. Лучинский, А. С. Баркаускас, И. С. Гусев, П. К. Лихота, Х. Н. Муминов) ссылались на результаты социологических исследований, которые помогли решить вопросы, стоявшие перед партийными организациями. Вместе с тем в ряде статей отмечалась необходимость более активной помощи партийным организациям со стороны ученых.

С. С. Савоскул

⁴ Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971; «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973; «Социологические проблемы сельского расселения». М., 1970.

⁵ Ю. В. Арутюнян. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации — «Сов. этнография», 1973, № 4; Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева. Советский образ жизни: общее и национально-особенное. — «Сов. этнография», 1976, № 3 и др.

⁶ Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. Программа, методика и перспективы исследования. — «Сов. этнография», 1972, № 3.

История Эстонской ССР. Таллин, т. I, 1961, 955 стр.; т. II, 1966, 793 стр.; т. III, 1974, 855 стр.

В 1974 г. вышел в свет III том «Истории Эстонской ССР» на русском языке — плод многолетнего труда большого коллектива эстонских ученых.

Работа заслуженно получила положительные рецензии в ряде периодических изданий¹. Ниже мы остановимся только на одной стороне этого исследования — этнографических очерках, которым рецензенты не уделяли специального внимания. Примечательной чертой этого капитального труда, в котором впервые с таким размахом и полнотой описывается история эстонского народа, является систематическое, проведенное через все три тома, обращение к этнографическому материалу. Благодаря этому гражданская история Эстонии как бы обретает плоть и кровь, читатель получает возможность заглянуть в повседневную жизнь народа, эстонского крестьянства, а позже и рабочего класса.

Рассматривая вопрос об этнографическом материале в «Истории Эстонской ССР», следует помнить об одном весьма важном обстоятельстве: нормальное течение исторического развития Эстонии было прервано в начале XIII в. вторжением немецко-скандинавских завоевателей и установлением их господства на долгие века. Это вторжение и введение захватчиками режима беспощадной, граничащей с рабством феодальной эксплуатации имели глубочайшее влияние на судьбы народа и его культуры. Между культурой господствующего класса, культурой завоевателей, и культурой коренного населения страны (которое на 99% было крестьянским), культурой непосредственных производителей, образовался громадный разрыв.

Завоеватели и народ говорили на разных языках, носили разную одежду, придерживались разных обычаев. Господствующий класс презирал народ и его культуру, народ люто ненавидел завоевателей и их обычаи. Тем самым диффузия культурных элементов из одной среды в другую была предельно затруднена. Это, однако, не мешало немецким историкам националистического толка, как и некоторым эстонским буржуазно-националистическим исследователям превозносить культурутрегерскую роль немцев в Прибалтике и утверждать, что они принесли с собой более развитый общественный строй — феодализм, более высокую культуру и, наконец, христианство. Авторы «Истории Эстонской ССР» на основе систематического анализа уровня развития производительных сил и общественных отношений в Эстонии накануне немецкого завоевания доказали несостоятельность этих теорий. Ими показан и провинциальный

¹ Рец. на кн. «История Эстонской ССР», т. I, Таллин, 1961 г. см.: А. Зимин, Н. Казаков. «Известия Академии наук Эстонской ССР», Серия обществ. наук 1962, № 3, с. 294—301; И. Шаскольский. «Коммунист Эстонии», 1962, № 5; Н. М. Павленко, В. Т. Пашуго, В. К. Яцинский. «Вопросы истории», 1963, № 3, с. 132—138; Рец. на кн. «История Эстонской ССР», т. II, Таллин, 1966, см.: Э. Кайн, Э. Сыгел. «Коммунист Эстонии», 1963, № 9. Н. Palamets, K. Siilivask. Kolmekõitelise «Eesti NSV ajaloo», II köide, «Известия Академии наук Эстонской ССР», Серия общественных наук, 1964, № 2, с. 155—159. Michael H. Haltzel. «Kritika». Cambridge, Mass. 1968, № 1, p. 39—47.

характер культуры остзейских немцев, и то обстоятельство, что речь может идти лишь о некотором, к стати сказать весьма ограниченном, взаимодействии культур, причем только в определенных областях жизни и лишь на некоторых этапах.

Этнографический материал включен в ткань исторического повествования органично, и крупные исторические разделы заключаются достаточно подробными, учитывая размеры издания, очерками, освещающими те особенности и изменения в условиях быта, приемах труда, его организации и т. д., которые вызывались социально-экономическими переменами в истории или были опосредованными откликами на них.

Разумеется, не всегда просто, а иногда и невозможно указать на прямую генетическую связь между тем или иным изменением в базисе и новыми явлениями в материальной или духовной культуре народа. Следует заметить, что авторам удалось избежать опасностей такого упрощенного примитивно механистического подхода к явлениям, связь между которыми в действительности сложна и тонка и осуществляется путем многоступенчатых переходов.

Сведения о материальной и духовной культуре народа в трех томах «Истории Эстонской ССР» — не считая раздела «Родовое общество» — содержатся в шести специальных очерках. Кроме того, этнографические материалы умело вкраплены в исторические разделы, но на них останавливаться отдельно мы не будем.

В первом томе (с древнейших времен до середины XIX в.) очерк о духовной и материальной культуре IX—XII вв. (автор Х. А. Моора) написан частью на археологических материалах, частью на ранних письменных источниках и служит переходом к чисто этнографическим разделам, в которые включен материал, начиная с XIII в.

Глава, относящаяся к XIII—XVII вв., содержит два очерка, написанных Э. Эпик: «Быт и материальная культура в XIII—XVII веках» и «Устное народное творчество, обычаи и верования». Следует заметить, что в дальнейшем фольклору отводятся особые разделы, так как появляется возможность дифференцированно давать фольклорные и этнографические материалы. Названный раздел невелик, хотя и охватывает пять веков. Известно, что этот период всегда труден для этнографического изучения из-за отсутствия чисто этнографических материалов, в исторических источниках их еще очень мало и они не всегда надежны.

Э. Эпик проделала большую скрупулезную работу по собиранию этих сведений и созданию из них стройной картины.

Несмотря на то, что натуральное хозяйство и быт крестьян в период феодализма уже в силу специфики этого строя относительно консервативны, советские этнографы, как известно, отнюдь не принадлежат к сторонникам идеи их «окаменелости» в этот период и не отказываются от плодотворных попыток показать пути развития народной культуры на ранних этапах и установить соответствующую периодизацию. Так, например, в настоящее время благодаря новым исследованиям эстонских археологов и медиевистов мы знаем о том, что северо-западная часть страны на ранних этапах развития сельского хозяйства благодаря особенностям почв играла гораздо большую роль в земледелии, чем в последующий период. С изменениями в агротехнике и переносом центра тяжести зерноводства в центральные и южные части страны меняются и плотность населения в этих районах, что в свою очередь отражается на формах поселений. Эти данные еще отсутствовали во время написания первого тома. Есть все основания полагать, что с течением времени в результате новых археологических исследований, дальнейшего изучения архивных материалов и нового прочтения нарративных источников этнографы сумеют внести уточнения и дополнения в анализ этого периода.

Этнографический очерк, характеризующий быт и культуру конца XVIII и первой половины XIX в. (авторы А. Моора и Х. Моора), в разделе «Разложение крепостничества и формирование капиталистических отношений» содержит хорошо разработанный материал. Здесь читатель найдет всестороннее описание крестьянской жизни — от хозяйственных занятий до народной медицины, от общественного быта деревни до семейных обрядов.

В период безусловного господства натуральных форм в крестьянском хозяйстве мы встречаемся с классическими формами народной культуры и можем говорить о еще сравнительно однородной крестьянской культуре: в эстонской деревне было уже имущественное расслоение, но оно не приобрело еще классового характера. С другой стороны, этнографический материал хорошо показывает локальные отличия, которые сложились в ходе длительного исторического процесса, корни некоторых из них уходят в далекое прошлое и обусловлены древним племенным делением эстонцев. На следующем этапе существенные изменения социально-экономического характера уже нарушат эту картину.

Во втором томе, который охватывает период с 1850-х годов до начала 1917 г., есть только один этнографический раздел «Быт эстонского крестьянства во второй половине XIX и в начале XX в.», написанный А. Моора. Он состоит из следующих очерков: «Поселения и постройки», «Развитие отраслей производства» (вероятно, лучше звучало бы «хозяйства»), «Коллективные работы, взаимопомощь и другие обычаи деревни», «Пища», «Крестьянская одежда», «Сохранность старого быта и новые явления культурной жизни эстонской деревни». Таким образом, автор обстоятельно рассматривает те области народной жизни, в которых происходили наибольшие изменения, вызванные развитием капиталистических отношений в деревне, и подводит им итог.

В третьем томе (март 1917 — начало 1950-х годов) — два этнографических раздела, написанных А. Вийресом: один посвящен материальной культуре периода буржуазной республики в Эстонии, второй — быту населения Советской Эстонии.

Нет возможности подробно рассмотреть весь представленный в трех томах этнографический материал, и нет необходимости останавливаться на некоторых неточностях и мелких фактических ошибках. Нам представляется более важным отметить то основное в этнографических разделах, что обеспечило успех работы.

Прежде всего отметим одно весьма существенное обстоятельство: весь этнографический материал в «Истории Эстонской ССР» дается внутри исторического исследования, он включен в систематическое изложение истории Эстонии, выполненное на высоком профессиональном уровне. Данные этнографических разделов читатель имеет возможность сопоставить также с очерками о формировании литературного языка, развитии письменности, формировании национальной литературы, искусства и других отраслей культуры, что в свою очередь позволяет лучше понять процессы, происходящие в быту народа.

При рассмотрении каждой из этнографических тем в историческом аспекте можно, разумеется, заметить, что одни из них раскрыты лучше, другие менее удачно, что отражает в основном состояние изученности вопроса.

Так, например, один из наиболее удачных — раздел об одежде. Это, несомненно, объясняется в значительной мере хорошей изученностью вопроса и, в частности, той большой работой, которая была проделана авторским коллективом — в основном сотрудниками Государственного этнографического музея ЭССР (Тарту) под руководством Х. Моора при подготовке альбома «Эстонская народная одежда» (1960 г.), который по содержанию значительно глубже и интереснее, чем обычные издания этого типа.

Развитие одежды дано очень выразительно и благодаря богатым археологическим находкам, в числе которых есть и текстильные изделия, а также некоторым сообщениям ранних авторов (А. Олеария, Т. Хьярна и др.) и архивным источникам. Так, например, приводимое Э. Элик свидетельство о том, что в XVIII в. в жалование служанки пастора входило 2 фунта олова в год (из него изготавливались украшения для одежды), сразу показывает, сколь они были многочисленны и популярны в то время. На материалах XVIII — первой половины XIX в. А. Моора обрисовывает всю сложность и пестроту локальных вариантов в народной одежде той эпохи. Как известно, в феодальный период различия в одежде отражали не только принадлежность человека к той или иной возрастной группе, но и определяли социальную принадлежность ее носителя. Одежда имела локальные отличия в различных частях страны, приходах, иногда даже деревнях, служа своеобразным паспортом человеку. Эти различия, уходящие корнями в эпоху племенного деления и отражающие различные культурные воздействия соседних народов, сохранялись весьма устойчиво до начала процесса национальной консолидации.

Следующий раздел освещает изменения в крестьянской одежде, вызванные развитием товарно-денежных отношений в деревне и проникновением в нее промышленных текстильных товаров. Хорошо показано, как в связи с неравномерностью экономического развития разных районов Эстонии новое проникало в них в различном темпе и кроме того с неодинаковой быстротой воспринималось разными слоями крестьянства. В некоторых местах (на островах, на юго-востоке, в селуских районах) народная одежда не только еще сохранялась, но и продолжала развиваться. В целом же в это время происходит постепенное исчезновение из обихода старых форм одежды и замена их новыми, близкими к городским.

Вопрос о народной одежде удачно завершен в разделе, относящемся к годам буржуазной диктатуры (автор А. Вийрес). Характеризуя движение за «самобытную культуру», автор рассматривает вопрос об использовании народной одежды после исчезновения ее из повседневного ношения. Отметив, сколь неудачны и безуспешны были попытки приспособить народные формы к модным покроям, автор констатирует, что сохранение народного костюма в качестве праздничного соответствовало стремлениям народа, и потому его использование на народных праздниках имело успех. Как справедливо заключает автор: «народ сам своим безошибочным чутьем определял верные формы возрождения старинной самобытной культуры, отсеивая ее националистические извращения» (стр. 837).

На примере подробного разбора материала по народной одежде, содержащегося во всех очерках, виден подлинно исторический подход авторов к теме, проведенный с освещением факторов, влиявших на развитие этого элемента народной культуры и менявшихся в веках.

Принцип историзма последовательно соблюдается при освещении и других сторон быта и народной культуры. Правда, в изложении некоторых вопросов есть пробы и недостатки. Так, например, в материалах по поселению опущен (с отсылкой к предыдущей и последующей по времени частям) период XIII—XVII вв. Как раз для XVII в. мы располагаем интересным и важным картографическим материалом, к тому же хорошо известным автору, так что приходится предположить, что этот пропуск связан с малым объемом данного этнографического очерка.

В тексте, посвященном истории жилища и построек, вероятно, стоило бы уделить несколько больше внимания локальным различиям в них, хотя они не столь существенны, как в одежде. Несомненно, более детального освещения требуют некоторые вопросы

духовной культуры, в частности семейной обрядности. Определенная скудость данных по последнему вопросу в «Истории Эстонской ССР» отражает недостаточную его изученность этнографами.

Наряду с этим во всех трех томах очень удачно освещена общественная жизнь деревни. В этнографических разделах рассматривается вопрос о взаимоотношениях крестьян с помещиками и их прислешниками, раскрывается сложность состава населения крестьянского двора. Известно, что население крестьянского двора феодального времени в большинстве случаев состояло не только из дворохозяина и его семьи. В нем жили различные родственники хозяев, батраки и принятые на разных условиях в дом посторонние люди. В рецензируемой работе хорошо можно проследить, как взаимоотношения внутри этого небольшого коллектива менялись с разрушением патриархального уклада и ростом противоречий внутри крестьянского сословия.

Рассмотрен еще один важный вопрос — взаимоотношения в деревне, связанные с пережитками общинного строя. Одни из них сохранялись благодаря специфике форм землепользования, которые заставляли крестьян следовать общему для всей деревни порядку обработки земли и принудительному севообороту. Сохранение общих выгонов объясняло живучесть традиции коллективного выпаса стада и выгона лошадей в ночное одним табуном.

В условиях феодальной деревни, при полном бесправии крестьянина, при низкой технике труда стойко сохранялись старинные традиции взаимопомощи, способствовавшие выполнению особенно трудоемких работ. Помощь оказывалась не только в различных сельскохозяйственных работах, но и в случаях семейных несчастий и стихийных бедствий, например пожаров. Нельзя забывать, что эти пережитки общинных традиций служили некоторой, пусть и не всегда эффективной, преградой помещичьему произволу. Эти материалы в сочетании с данными исторических разделов служат иллюстрацией того, что рано распавшаяся сельская община в Эстонии еще долго прослеживается по сохранившимся традициям.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе, столь актуальном в наши дни, — изучении быта народа в новейшее время. Материалы, относящиеся к концу XIX — началу XX в., показывают нам те перемены, которые наступают в деревне в связи с развитием там капиталистических отношений, классового расслоения. Это влечет изменение во всех областях жизни крестьянина. С изменением форм хозяйства исчезают старые формы сельскохозяйственных работ, развивается подвижность населения, в том числе отток его в город. Начинается быстрый рост городов и рабочего класса. Уже в 1922 г. городское население Эстонии составляло 29% всего населения республики.

В связи с этим возникает вопрос об особенностях быта городского населения, в частности рабочего класса. Следует сказать, что в раздел о быте эстонцев в годы буржуазной диктатуры А. Вийрес включил некоторые материалы о жилище и бытовых условиях рабочих, упомянул о перенесении некоторых традиций из деревни в город. Но, конечно, этот вопрос в целом так мало изучен, что рано говорить о возможности написания специального раздела о рабочем быте.

«История Эстонской ССР» заканчивается описанием быта начала 1950-х годов. Поэтому автор этнографического раздела мог поставить перед собой лишь ограниченную задачу — осветить те моменты, в которых уже отразился тот коренной переворот, который произошел в жизни населения с восстановлением Советской власти и с вхождением Эстонии в состав Советского Союза. Конец 40-х — начало 50-х годов был временем восстановления народного хозяйства после второй мировой войны и немецкой оккупации, периодом построения социализма (напомним, что коллективизация сельского хозяйства была закончена в Эстонии в 1949 г.). Именно коллективизация заложила основу перемен в жизни крестьянства и, конечно, подводить им итог в разделе, относящемся к началу 50-х годов, еще рано.

Автор очерка особо останавливается на тех мероприятиях партии и правительства, которые способствовали принципиальному преобразованию быта. А. Вийрес отмечает своеобразную роль некоторых традиций. Так, говоря об общественных работах, проводившихся с целью скорейшей ликвидации последствий войны и восстановления хозяйства, он отмечает, что в городах они были абсолютно новым явлением, а в деревне народ воспринял их как старинную форму взаимопомощи, получившую новое содержание. В очерке отмечен тот известный факт, что новые коллективные формы труда были быстро восприняты рыболовецкими артелями и бригадами, так как в силу специфики рыболовства в нем сохранялись разного рода рабочие коллективы — в сельскохозяйственных бригадах коллективные формы труда осваивались медленнее и сложнее.

В очерке большое внимание уделено вопросам преобразования культуры, традиционных форм народного искусства и др. Несмотря на то что заключительный этнографический очерк может быть оценен как удачный, именно он помогает понять, как много еще предстоит сделать эстонским этнографам для освещения быта страны в наши дни, выяснения взаимосвязей культуры городского и сельского населения, соотношения старых традиционных и новых социалистических черт культуры, анализа тех изменений, которые происходят в семье и в семейном быте, и т. д.

В целом же можно поздравить как эстонских этнографов, так и весь авторский коллектив с завершением трудной и сложной работы.

Н. В. Шлыгина